

УДК 32

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В ИЕРАРХИЧЕСКИХ И ПОЛИАРХИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ

Григорян кандидат политических наук, докторант,
Давид Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
Кромвелович народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: davo-davo23@mail.ru

Аннотация

В статье выделены типы политических отношений субъекта власти и народа. Характеризуется политическое лидерство как ключевое звено в механизме политического властвования.

Ключевые слова: *публичная власть, политическое лидерство, структуры распределения власти, гражданское общество.*

Феномен лидерско-элитного позиционирования встраивается в политическую систему общества как совокупность разнообразных политических институтов и организаций, социально-политических общностей и групп, политических субъектов, отношений, действий, идей, связанных с реализацией политики, то есть власти и управления в обществе. Позиционирование политического лидера в иерархических и полиархических структурах распределения и реализации власти вписывается в тенденцию нарастающей дифференциации таких двух сосуществующих феноменов в пространстве лидерства, как собственно лидерство и вождизм.

При этом демократические страны отличаются тем, что здесь развивается тип политических отношений субъекта власти и народа, именуемый лидерством. В свою очередь, в обществах, которые характеризуются ориентацией экономики на сохранение стабильности, закрытостью политической системы, слабостью и неразвитостью ее коммуникационной составляющей, лидерство не получает полного развития. А особенности политической культуры способствуют актуализации и консервации элементов вождизма [1].

Как в иерархических, так и в полиархических структурах распределения власти публичная власть в условиях современного информационного пространства реализуется, как правило, через процедуры состязательности и выборов. Претендующий на политическое доминирование актор вынужден позиционировать свое место в символическом пространстве по отношению к иным участникам политической игры.

В демократических странах разнообразие типов политических лидеров объясняется широким кругом решаемых ими задач. Лидер ставит политический диагноз, предполагающий анализ и оценку ситуации, определяет направления и программы деятельности в целях решения общественно значимых задач, мобилизует исполнителей на реализацию целей.

Политическое лидерство выступает здесь как ключевое звено в механизме политического властвования, во многом определяя характер и направленность политического процесса, а значимость проблемы лидерства многократно возрастает именно в политической сфере, где концентрируются властные интересы граждан, механизмы противоборства или сотрудничества политических лидеров, их последователей и противников.

В недемократических странах, которые отличает иерархическая структура распределения власти, специфика современного масс-медийного позиционирования позволяет политическим элитам формировать информационную среду, влиять на расстановку политических сил, артикуляцию политических интересов, создавая условия для реализации политических интересов элит.

Иерархия навязывает здесь неравномерное распределение власти и авторитета, причем преимущества и привилегии сосредоточены, как правило, в границах самих властных структур, главной задачей которых становится увековечение иерархии и удовлетворение интересов тех, кто находится наверху.

Эти страны отличаются социально-политической неопределенностью и неустойчивостью. В силу этого нарастает опасность девиаций, связанных с отклонением от установленного порядка, общепринятых и регламентирующих норм и принципов информационной деятельности [2].

Так, отличительной чертой политического лидерства во многих странах Южной Америки является особая роль военных, понимаемых и как консолидированная лидерско-элитарная группировка, и как некий собирательный образ, который может использовать политический деятель в своей деятельности. Здесь процесс вовлечения военных в политику имел широкомасштабный характер. В массовом сознании возник устойчивый политический образ, основным элементом которого является сильный военный национальный лидер (А. Пиночет в Чили, Х. Альварado в Перу, К. Бранко в Бразилии).

Позиционирование политического лидера в иерархических структурах распределения и реализации власти прослеживается на примере России, несущей в себе «родовые пятна» советской эпохи.

Согласно В.П. Булдакову, революции всегда сопровождаются разгулом неизвестно откуда всплывшей «черни». Февраль, а затем и Октябрь не составляли в этом смысле исключения. Вопрос в том, как это корреспондировалось с народной «смеховой» культурой и отразилось на социальной нравственности. Известно, что деспотию убивает смех. Но «красный» революционный юмор, всеобщее зубоскальство скоро подвергли сомнению властное начало как принцип. Последствия этого для патерналистской системы оказались столь ощутимыми, что восстанавливать гражданскую дисциплину в годы гражданской войны приходилось путем реанимации первобытных страхов, вызывавшим социальное оцепенение [3, с. 130].

К власти приходили «вчерашние рабы», и Максим Горький в своих знаменитых «Несвоевременных мыслях» высказывал серьезные опасения, как бы эта масса, не подготовленная ни в культурном, ни в моральном отношении, не загубила бы революционные идеи. Он был убежден в необходимости культурного воспитания масс, считал, что при всем своеобразии истории России нужно сохранить ее мирового значения памятники, освоить научный и интеллектуальный опыт Запада и, прежде всего, научиться хорошо работать [4].

Вскоре после захвата власти новый режим начал рекрутировать чернь, это «последнее слово». При этом молодая советская власть предложила своим гражданам простой и заманчивый общественный договор: чем больше ты способен совершить подлых поступков, тем больше у тебя шансов подняться по служебной лестнице. Доносы стали стандартным способом продвижения по социальной иерархии. А Сталин превратил селекцию черни в основу кадровой политики, особенно когда дело касалось отбора в его личный аппарат [5].

Власть задавала «правила игры». Новый режим быстро разрушил имеющийся потенциал развития. Множество образованных и предприимчивых людей, составлявших фундамент общества, покинули страну, были физически уничтожены либо сведены на положение социальных маргиналов. Отлаженная и весьма эффективная система государственных и частных институтов была разрушена. Система ценностей, сориентированных на развитие, подверглась серьезной деформации. Историческая память оказалась под контролем властей. Рухнул механизм воспроизводства социальных связей и трансляции культурных образцов. Все это работало на маргинализацию общества.

В стране нарастал тренд социокультурного раскола. На новой его волне «всплыли» на поверхность взбаламученного социума низшие классы и социальные слои. Смутное время, чем бы оно ни было вызвано, предполагает особое состояние значительной части общества: более агрессивное, преступающее традиционные нормы, бросающее вызов реальности в стремлении ее изменить [6].

В 1930-е гг. в СССР сложился тоталитарный режим, имевший ряд общих черт с подобными режимами в других странах. Во главе тоталитарного режима стоит единоличный лидер харизматического типа, принимающий все важнейшие решения. В 1930-х гг. в СССР окончательно утвердился культ личности Сталина. Сложился огромный бюрократический аппарат, который тесно сросся с партийной элитой, образовав административно-командную систему управления со строгой вертикальной иерархией власти, пронизывающей все сферы жизни. Восторжествовала иерархическая модель распределения власти.

Утверждение системы Советов означало слабость представительной власти, сосредоточение функций управления в исполнительных комитетах, отсутствие независимой судебной власти. В экономике тоталитаризм означал огосударствление собственности, централизацию управления, уравнительное распределение. Отсутствие рыночных отношений диктовало необходимость повседневного вмешательства партийно-государственного аппарата в решение хозяйственных вопросов. Государство нуждалось в послушных исполнителях, поэтому поощрялась уравнительная психология. Провозглашенные советской Конституцией 1936 года демократические права и свободы в реальной жизни не были реализованы. Происходило отчуждение людей от собственности и реальной власти. Постепенно вырабатывался тоталитарный тип личности, вписывающийся в общую картину единомыслия, подчинения издаваемым свыше указаниям.

Постсоветская Россия и ее политическое руководство в 1990-е годы оказались не в состоянии реализовать тот исторический шанс, который предоставило им временное отступление государства. Не произошло движения в сторону правового государства и гражданского общества, составляющим тот политико-социальный континуум, в котором только и могут развиваться подлинно демократические процессы [7, с. 22-25].

Размышляя об этом, Г.А. Явлинский считает, что новый политический строй, основанный на Конституции РФ 1993 года и возникший на основе реформ 1990-х годов, стал формой закрепления власти номенклатуры советского типа в новых условиях. Именно верхушка нынешней неономенклатурной элиты принимает все основные решения. При этом, по его оценкам, официальная власть в России есть продукт полутора десятилетий, включавших в себя неоднократные колоссальные политические потрясения, нарушения политической преемственности, кулуарной разработки и фактического навязывания обществу системы организации государственной власти и ее почти перманентную перекройку. Все это сказывается на восприятии обществом власти в плане ее легитимности – хотя бы в форме скептического и цинично-равнодушного отношения населения к деятельности государственных институтов и готовности саботировать любые их решения. Одновременно власть унаследовала в полной мере традиции предыдущей эпохи, которые были заложены еще Сталиным [8, с. 95].

Ныне государство, по сути дела, владеет экономикой и политикой России. Впервые в истории России те люди, которые ею монопольно управляют, одновременно являются ее монопольными собственниками. В итоге в России сложилась имитация рыночной экономики, когда наличие всех ее необходимых атрибутов отнюдь не обеспечивает не только более высокую эффективность экономики, но даже простое воспроизводство. Ситуация социальной неопределенности и отчуждения в условиях, когда власть и собственность не отделены друг от друга, осложняется тем, что в первое десятилетие нового века в России произошла «ползучая» революция, связанная с процессом вторичной экспансией государства [9; 12–13].

Для целого ряда стран актуальным становится проблема сильного лидерства при слабом гражданском обществе, что также характеризует позиционирование политического лидера в иерархических структурах распределения власти.

Крайним примером ситуации сильного лидерства при слабом гражданском обществе (точнее, при его почти полном отсутствии) является ситуация тоталитарного общества. Политическое лидерство при тоталитарном режиме, определяемое как вождизм, предстает в качестве феномена, обусловленного, с одной стороны, спецификой массового индустриального общества, с другой, – наличием политических деятелей, обладающих способностью манипулировать широкими массами при помощи целенаправленной идеологической пропаганды, искусно управлять авторитарной политической организацией, вплоть до осуществления широкомасштабного террора против определенных социальных групп и слоев, реально или предположительно политически и идеологически опасных для политического режима. Это показывает, что политическое лидерство при тоталитарном режиме при всей своей специфике зависит от универсальной при любом лидерстве комбинации трех аспектов: личностных черт лидеров; инструментов, которые они имеют в своем распоряжении; социально-политической ситуации, с которой они имеют дело [10].

В современной России особенно остро встала проблема политического лидерства как феномена гражданского общества. Это связано с тем, что в условиях гражданского общества на повестке дня оказывается контролируемость политического лидерства со стороны этого гражданского общества. С одной стороны, в наиболее общем виде механизмы контроля гражданского общества и его институтов за политическим лидером должны быть направлены на постоянную и широкомасштабную общественную экспертизу действий политического лидера,

при необходимости – на внесение необходимых коррективов. С другой стороны, лидерство должно быть вписано в общий контекст гражданственности, патриотизма, системы национальных интересов и приоритетов всякой конкретной страны и общества. Тем самым, политическое лидерство, его стиль, методы, функции, стратегические и тактические установки в современных социально-политических условиях должны соотноситься с общепризнанными ценностями и целями развития конкретного общества и данного государства [10].

Е.С. Шпуга к этому добавляет, что сущность и характер политического лидерства определяется сложившимися трендами становления и развития гражданского общества. Политическое лидерство во многом есть результат зрелости гражданского общества и его природа диалектична. С одной стороны, политическое лидерство может проявлять себя в качестве предпосылки для складывания гражданского общества, с другой – выступать результатом развития, результатом зрелости гражданского общества [11].

В наиболее общем виде механизмы контроля гражданского общества и его институтов за политическим лидером должны быть направлены на постоянную и широкую общественную экспертизу действий политического лидера; с другой – лидерство должно быть вписано в общий контекст гражданственности, системы национальных интересов и приоритетов всякой конкретной страны и общества.

Литература

1. Якушин Д.А. Технологии формирования имиджа политического лидера в западных демократических системах: рациональный опыт для России. Автореф. дис. ...канд. полит. наук. М., 2014.
2. Самыгин С.И., Верещагина А.В. Глобальные вызовы современности и безопасность цивилизации третьего тысячелетия // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 6. Том 2. URL: <http://mii-info.ru/data/documents/EZhSN-2014-6-2.pdf>
3. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного наследия. – Изд. 2-е, доп. – М.: РОССПЭН, 2010.
4. Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1991.
5. Красин В. Рабы КПСС: антропологическая катастрофа Советского Союза // <http://www.svarozhich.net/new/2010/>
6. Баландин Р., Миронов С. Тайны смутных эпох. – М.: Вече, 2003 // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/baland/04.php
7. Васьков М.А., Самыгин С.И. Идеология гражданской идентичности в управлении российским городским пространством // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. С. 22-25.
8. Явлинский Г.А. Ложь и легитимность / Двадцать лет реформ. – М.: Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО», 2011.
9. Злобин Н. Российский кризис вызван бездарной имитацией рыночной экономики // <http://crisis.in/ua/2009/>
10. Купчин Н.Н. Политическое лидерство как феномен гражданского общества. Автореф. дисс. ...докт. полит. наук. М., 2008.
11. Шпуга Е.С. Политическое лидерство как механизм интеграции общества. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2014.
12. Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В. Социальное самочувствие и социальное неравенство в Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2013. № 4. С. 12–32.
13. Сериков А.В. Состояние и проблемы развития донского казачества // Гуманитарий Юга России. 2014. № 4. С. 164–171.

Grigoryan David Kromvelovich, candidate of political sciences, doctoral candidate, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: davo-davo23@mail.ru

POSITIONING OF THE POLITICAL LEADER IN HIERARCHICAL AND POLIARKHICHESKY STRUCTURES OF DISTRIBUTION AND REALIZATION OF THE POWER

Abstract

In article types of the political relations of the subject of the power and the people are allocated. Political leadership as a key link in the mechanism of political dominion is characterized.

Keywords: *public power, political leadership, structures of distribution of the power, civil society.*